

Elithological Constructs in N.V. Gogol's «Selected Passages from Correspondence with Friends»

Elena E. Zavyalova

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

E-mail: zavyalovaelena[at]mail.ru

Abstract

The material for the study was the last published by N.V. Gogol book. The goal was to identify elitistological constructs in the work. The first conclusion concerns the figure of the author placed in the foreground. The writer is sure that his personal experience of ascent to God must be passed on to people. He mythologizes his biography, demonstrates prophetic features and assumes the role of the messiah. Further, the serious significance of the principle of hierarchy. During the analysis of «Selected Passages...» it is established that the writer is convinced of the innate superiority of some people over others. Among the «natural» factors of society stratification, the author singles out gender, age, state of health, mental abilities, and beauty. Estate, rank, position, in his opinion, are given by God, in no case should you try to change the existing order, because from above the inclinations corresponding to the calling are wisely distributed. The measure of responsibility of the superiors is many times greater than that assigned to the lower strata of society. The top of the social pyramid is represented by the king, the mediator between heaven and earth. The last part of the article is devoted to the writer's ideas about the exceptional position of Russia on the world stage. The arguments are considered, by which N.V. Gogol proves the special fate and unique mission of the Russian people. The triad of higher principles is indicated, which, according to the author, bring salvation: Orthodoxy, autocracy and art.

Keywords

N.V. Gogol; elitism; hierarchy; social stratification; estate; patriarchy; monarchism; Orthodoxy; theocratic state; automythologization.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Элитологические конструкты в книге Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями»

Завьялова Елена Евгеньевна

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

E-mail: zavyalovaelena[at]mail.ru

Аннотация

Материалом для исследования послужила последняя опубликованная Н.В. Гоголем книга – «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). Целью стало выявление элитологических конструктов в произведении. Первый вывод касается фигуры автора, помещённой на переднем плане. Писатель уверен, что пережитый им личный опыт восхождения к Богу необходимо передать людям, это поможет избавить русский народ и человечество в целом от страшной участи. Он мифологизирует свою биографию, демонстрирует профетические черты и принимает роль мессии. Далее речь ведётся о гоголевской поэтике: склонности к столкновению противоположностей, вертикальной ориентации художественного пространства, частотности образа лестницы. Подтверждается серьёзное значение принципа иерархичности в авторской картине мира. В ходе анализа «Выбранных мест...» устанавливается, что писатель убеждён во врождённом превосходстве одних людей над другими. Среди «естественных» факторов стратификации общества автор выделяет пол, возраст, состояние здоровья, умственные способности, красоту. Во взглядах на идеальное устройство семьи Н.В. Гоголь близок к патриархальной традиции. Сословие, чин, должность, по его мнению, даются Богом, стараться изменить существующий порядок ни в коем случае нельзя, потому что свыше мудро распределены соответствующие призванию наклонности. Мера ответственности вышестоящих в разы превышает ту, что возлагается на низшие слои общества, начальники обязаны заботиться о своих подчинённых. Вершину социальной пирамиды представляет царь, посредник между небом и землёй. Последняя часть статьи посвящена представлениям писателя об исключительном положении России на мировой арене. Рассматриваются доводы, с помощью которых Н.В. Гоголь доказывает особую судьбу и уникальную миссию русского народа. Обозначается триада высших начал, которые, по мнению автора, несут спасение: православие, самодержавие и искусство (конкретно – литература, живопись, театр).

Ключевые слова

Н.В. Гоголь; элитарность; иерархичность; социальная стратификация; сословие; патриархальность; монархизм; православие; теократическое государство; автомифологизация.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

«Выбранные места из переписки с друзьями» (1847) – последняя опубликованная Н.В. Гоголем крупная работа. Т.А. Кулакова отмечает, что в произведении «воплотились итоги глубокой и драматичной внутренней жизни автора» (2010, стр. 43). В.А. Воропаев уточняет: здесь, «как в фокусе, собраны и сконцентрированы все проблемы его писательской и личной биографии» (2014, стр. 8). Книга состоит из писем, обращённых к разным адресатам; ряд посланий – переработанные «настоящие», другие специально сочинены Н.В. Гоголем для издания. Убедительно доказано, что это не просто сборник корреспонденции: «беглый дневниковый набросок, запись факта, эпистолярное сообщение преобразуются в принципиально новое качество – в явление литературы» (Барабаш, 1993, стр. 15).

Идеи, концепции, проекты, которые писатель десятилетиями вынашивал в голове, ноне воплотил в художественных образах,¹ были изложены напрямую – путём обращения к уникальной жанровой форме. Программа социального, религиозного возрождения России – гоголевские «Апокалипсис и Домострой», по выражению А. Терца (2009, стр. 39), – одновременно стали попыткой «открыть читателю свой настоящий писательский облик» (Виноградов, 2000, стр. 354).

Правительство настороженно отнеслось к столь необычному проявлению гражданской тревоги, попытка дать властям уроки была воспринята как дерзость. Последовали цензурные купюры (Гиппиус, 2019, стр. 50), текст сократили примерно на треть (Сартаков, 2014, стр. 200). Но и в таком виде «Выбранные места...» вызвали бурную негативную реакцию. Содержанием сборника оказались озадачены люди с самыми различными взглядами: С.Т. Аксаков, П.Я. Чаадаев, О.И. Сенковский, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, Н.Ф. Павлов, Д.А. Брянчинов, С.П. Шевырёв, В.Г. Белинский, В.П. Боткин, А.И. Герцен, П.В. Анненков, Т.Н. Грановский, И.С. Тургенев, Ю.Ф. Самарин, А.А. Григорьев, Н.Г. Чернышевский и многие другие. «Показательно, что с резким осуждением книги Гоголя выступил ряд лично и духовно близких ему людей», – подчёркивает Г.Г. Сильницкий (2010, стр. 47). Редкие похвалы (П.А. Плетнёва, П.А. Вяземского, А.О. Смирновой-Россет) чаще напоминали пристрастные оправдания таланта. Высочайшей защиты не последовало.

Н.В. Гоголь расспрашивал знакомых о реакции окружающих на своё сочинение, живо интересовался печатными отзывами. После его смерти был обнаружен чемодан с кипой вырезок-рецензий; первый биограф классика П.А. Кулиш свидетельствовал: «Он не только находил время читать их, но некоторые даже списывал собственной рукою очень тщательно» (1856, стр. 170). Резкие, категорические суждения не могли обнадёжить автора. Как полагают многие, очередной шквал критики «сломило его волю к сопротивлению,

1 В частности, в запланированных втором и третьем томах «Мёртвых душ».

подточил веру в свой художественный дар» (Сарычев, 2020, стр. 31). В результате писатель отказался от творчества, от мессианских устремлений, что привело к угасанию сил – духовных и физических.

В последствии многие положения «Выбранных мест...» нашли своё продолжение: в религиозно-философских концепциях Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, В.С. Соловьёва, С.Н. Булгакова, В.В. Зеньковского, Г.В. Флоровского и др. В начале XX века Д.С. Мережковский заявил об осуществлённом Н.В. Гоголем «переходе русской литературы, всего русского духа от искусства к религии, от великого созерцания к великому действию, от слова к делу» (1991, стр. 247). Так же высоко оценил заслуги писателя К.В. Мочульский: «ему было суждено круто повернуть всю русскую литературу от эстетики к религии, сдвинуть её с пути Пушкина на путь Достоевского» (2004, стр. 86). Однако позднее «Выбранные места...» вновь были отвергнуты по идеологическим соображениям, теперь уже советскими учёными (Вильнова, 2008, стр. 4). Новый всплеск интереса к произведению пришёлся на рубеж XX–XXI столетий, прежде всего, со стороны представителей православного направления в современном литературоведении (М.М. Дунаева, Е.И. Анненковой, В.А. Воропаева, С.А. Гончарова, И.А. Виноградова, И.А. Есаулова и др.).

На данном этапе по «Выбранным местам...» опубликовано несколько монографий, ряд диссертаций, большое количество статей – по литературоведению, литературной критике, языкознанию, лингвокультурологии, журналистике, богословию, философии, истории, политологии, даже криминологии.¹ Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что книга остаётся малоизученной – в силу причудливой композиции, жанрового синкретизма, мощнейшей интертекстуальной составляющей, симфонизма (порой алогизма) и, конечно, особой содержательной глубины.

В наше время политические, экономические процессы ведут к формированию в России нового соотношения общностей, к преобразованию социальной стратификации. В таких условиях особенно актуальным становится определение вектора общественных изменений и их динамики. Произведение Н.В. Гоголя снова приобретает весьма злободневное звучание. Учитывая культурно-историческую значимость содержащихся в книге выводов, изучение элитологических воззрений писателя видится сегодня принципиально важной задачей.

Страсть любоначалия (образ автора)

Сильнее всего читателей в «Выбранных местах...» возмутила роль Духовного отца, которую по собственной инициативе принял на себя Н.В. Гоголь. «Он слишком спесив...» (Чаадаев, 1991, стр. 201), – отмечает П.Я. Чаадаев в письме к П.А. Вяземскому. «Книга <...> проникнута лестью и страшной гордо-

¹ См., например статью: (Харабет, 2019).

стью под личиной смирения...» (Вересаев, 1990, стр. 400), – пишет С.Т. Аксаков своему сыну, И.С. Аксакову.

Большинство биографов полагают, что автор всегда питал страсть к любоначалию. И.В. Любич-Романович вспоминал, что ещё в нежинской гимназии Н.В. Гоголь «...производил впечатление человека глубоко занятого чем-то или суровым субъектом, пренебрегающим всеми людьми. Наше [других детей] поведение он считал кичливостью аристократов и знать нас не хотел» (1902, стр. 3). А. Терц, исходя из документальных свидетельств, делает заключение: он с юных лет думал о служебной карьере, статусной должности, «важной кафедре» (2009, стр. 11). И.П. Золотусский констатирует: «Гоголь всегда любил повелевать людьми» (1988, стр. 114).

Ю.Я. Барабаш замечает, что с годами его письма родным делаются всё более нравоучительными, «чем дальше, тем заметнее становятся менторские интонации» (1993, стр. 101). М.М. Дунаев указывает: «Ощущение собственного избранничества владело Гоголем издавна. В моменты духовного перелома оно в нём лишь усиливалось» (2003, стр. 157). По мнению В.И. Шенрока, знакомые (П.В. Анненков, Ф.В. Чижов, Толстые, Апраксины, Смирновы, Виельгорские и др.) развивали в писателе чувство собственной исключительности, «относясь к нему с каким-то слепым подобострастием» (1898, стр. 7). Они спрашивали советов, с благоговением выслушивали рассуждения, нотации, напрашивались на поручения. «Надо полагать, что такое неполучение отпора <...>, – резюмирует историк литературы, – могло только утверждать Гоголя в уверенности, будто он в самом деле находится на истинной дороге» (Там же).

За семь лет до издания «Выбранных мест...» писатель серьёзно переболел.¹ Он не надеялся на выздоровление, готовился к смерти, написал завещание, а исцеление счёл знаком «небесной милости Божией» [Предисловие, 173].² Уверовав, что Господь оставил его в подлунном мире для свершения великих дел, Н.В. Гоголь принялся за «внутреннее воспитание», а через некоторое время, почувствовав себя постигшим тайны спасения, счёл необходимым стать духовным учителем для всего народа.

Писатель был уверен в успехе своего предприятия. Об этом свидетельствуют послания к П.А. Плетнёву, которому он поручил издание сочинения:

«Все свои дела в сторону, и займись печатаньем этой книги <...>. Она нужна, слишком нужна всем – вот что покаместь могу сказать; все прочее объяснит тебе сама книга» (Гоголь, 1952, стр. 91–92);

«Печатай два завода и готовь бумагу для второго издания, которое, по моему соображенью, воспоследует немедленно: книга эта разойдётся более, чем все мои прежние сочинения, потому что это до сих пор моя единственная дельная книга» (Там же, стр. 92).

В предисловии автор велит соотечественникам прочитать своё произведение несколько раз, купить дополнительные экземпляры для распростра-

1 Точный диагноз до сих пор неизвестен.

2 Здесь и далее произведение Н.В. Гоголя цитируется по изданию: (Гоголь, 1986), с указанием номера главы и страницы в квадратных скобках.

нения среди бедных [Предисловие, 174]. А после смерти наказывает в срочном порядке опубликовать завещание «во всех журналах и ведомостях» [I, 180]. Как справедливо отмечает Ю.Я. Барабаш, неприличным обществом сочла, прежде всего, то, что Н.В. Гоголь «превратил факт сугубо личной жизни в факт литературы» (1993, стр. 40).

П.А. Вяземский очень наглядно представляет решимость писателя: он «круто своротил с торжественного пути своего и спиной обратился к своим поклонникам» (1982, стр. 172). С.А. Шульц характеризует поведение Н.В. Гоголя как «духовное бунтарство» (1994, стр. 124). Оно коррелировало как со святоотеческой традицией учительствования, так и с романтической идеей противостояния «поэт – толпа». Скажем больше: Н.В. Гоголь предвосхитил символистское понимание художника-заклинателя, демиурга, субъекта аутомифологизации.

Смелость Н.В. Гоголя проявляется не только в готовности выставить свою жизнь напоказ; бесстрашен новаторский подход к форме сочинения. Взять хотя бы стереоскопическое изображение. По наблюдениям Т.А. Кулаковой, «повествователь выступает то как светский писатель и литературный критик, то как философ, духовное лицо, то как мученик» (2010, стр. 45–46). С.В. Бурмистрова называет эту позицию мерцающей: фигура автора помещается «между полюсами проповедника и исповедника, учителя и ученика» (2019, стр. 102). Смена нарратора происходит, как правило, в результате перехода к новому предмету изображения и подразумевает стилистические модуляции.

Наставления часто звучат резко, повелительно. В статье, названной впоследствии «Авторской исповедью», Н.В. Гоголь признаёт «решительный слог и некоторую лирическую торжественность речи» (Гоголь, 1986, стр. 438) в своей книге. Высоким пафосом проникнуты как ключевые фрагменты сочинения, так и – нередко – отрывки, в которых сообщается о частных, бытовых проблемах. Это было очень непривычно для современников классика.

«В русской традиции экспрессивную стилистику использовало торжественное красноречие, но в подобного рода проповедях всегда поднимались крупные религиозные и национально-культурные вопросы, а гоголевская эмоционально-возвышенная стилистика возникает тогда, когда повод к ней кажется совершенно ничтожным», – замечает У.С. Алексеева (1999, стр. 12).

Писатель использует традиционные изобразительно-выразительные средства – тропы и риторические фигуры, хотя их обилие, контрастное расположение позволяет вести речь о воздействии на стиль «Выбранных мест...» барочной традиции. С.А. Шульц обращает внимание на наличие в книге большого количества повторов, лейтмотивов; подспудная центростремительность повествования направлена на важную цель – не столько растолковать, сколько внушить. С этим же связана «витиеватая психологическая нюансировка» (Шульц, 1994, стр. 120): чтобы добиться желаемого эффекта, повествователь¹ прибегает к «лести, назиданиям, укорам, даже угрозам и приказам» (Там

1 Вернее – повествователи.

же). Читатель вынужден покоряться, следовать причудливому течению авторской мысли и волнообразной смене настроений.

Соединение проповеди с исповедью ведёт к замысловатому чередованию торжественно-громогласных интонаций с интимно-покаянными. Перед нами предстаёт то пророк, то великий грешник. К.В. Мочульский заявляет, что самообвинение в «Выбранных местах...» – единственное в своём роде признание в русской литературе, в нём «...слышится дрожь отвращения и упоение позором» (2004, стр. 88). По логике писателя, человек, ориентированный на духовное развитие, всегда чувствует себя ниже других, с радостью принимает роль наставляемого. «Всё становится для него учителем; весь мир для него учитель: ничтожнейший из людей может быть для него учитель» [XII, 220]. Вместе с тем Бог дарует страдания, чтобы придать мудрости, а значит после пережитого праведник-мученик обязан учить других тому, что постиг сам.

И.Д. Ермаков, психоаналитик, изучавший наследие Н.В. Гоголя, пришёл к выводу, что в основе творчества писателя «лежат две противоположные, всегда борющиеся тенденции – самоуничужения и самовозвеличивания» (1923, стр. 174). Анализ нарративной стратегии «Выбранных мест...» подтверждает выводы профессора. Возможно, истоки таких представлений таятся в особенностях суждений классика о мироустройстве.

Принцип иерархичности в гоголевской картине мира

Одной из самых заметных черт гоголевской поэтики является постоянное столкновение противоположностей – в тропах, портретах, характерах, пейзажах, тональностях, системе персонажей, сюжетных коллизиях, жанровых разновидностях и проч. В «Выбранных местах...» сам автор объясняет этот художественный принцип требованиями закона диалектики: «Словом, храни вас Бог от односторонности! Смотрите разумно на всякую вещь и помните, что в ней могут быть две совершенно противоположные стороны, из которых одна до времени вам не открыта» [XIV, 231].

А. Белый доказывает, что такая особенность связана со спецификой «зрения» писателя:

«...Один глаз – дальнозорок; другой – близорук; один – отдаляет; другой – приближает; один – телескоп; другой – микроскоп. Нормальны лишь усилия интерферировать ненормальность: телескоп заставлял дам одевать платья звёздного блеска; микроскоп – видеть зловонными ямами поры кожи; есть миры блеска; и поры кожи – пропасти в микромире; есть действительность обоих видов гипербола; только их нет в нам данной действительности... <...> Двойкий гиперболизм – скрещение двух ножей: в месте сердца» (1934, стр. 267).

С помощью развёрнутой метафоры критик-модернист демонстрирует, как тесно взаимосвязаны характер, мировоззрение, художественный стиль, закономерности поведения и судьба Н.В. Гоголя. В академической форме сходные мысли излагает литературовед В.В. Ермилов: «Пафос художественного мышления Гоголя – это пафос выявления противоположностей и просле-

живания их движения, гибкости их постоянных, непрерывно совершающихся переходов одной в другую, их переплетения и борьбы, переходов от резкой противопоставленности к неожиданному тождеству и затем к новому, ещё более резкому противопоставлению и т.д.» (1959, стр. 58). Учёный отмечает элементы диалектического мышления фактически на всех формальных и содержательных уровнях гоголевского текста.

Ю.М. Лотман указывает на склонность писателя переходить к изображению трёхмерного пространства, вынося «точку зрения» вертикально вверх (1988, стр. 265). С.В. Вильнова называет книгу «Выбранные места...» «классическим образцом того, как в русском искусстве вечный поиск Истины перенаправляет идею “русской горизонтали” в Небесную вертикаль» (2008, стр. 14). О.А. Пороль и И.И. Просвиркина полагают, что данная направленность позволила автору «соединить несоединимое: небо и землю» (2020, стр. 183). Образ лестницы – один из самых повторяющихся в творчестве Н.В. Гоголя. Сочинение Иоанна Синайского «Лествица», в котором содержится 30 глав – ступеней добродетелей, ведущих к духовному возрастанию, едва ли не любимое богословское сочинение писателя (Тарасенков, 1902, стр. 13). В.А. Воропаев сопоставляя с ним «Выбранные места...», отмечает сходную композицию и направленность:

«восхождение человека от самого низкого, заземлённого состояния – физической или душевной смерти <...> – через победу над страстями и умерщвление в себе “ветхого человека” – к конечной цели – стяжанию духа святого и воскресению» (2018, стр. 105).

На строгую структурную связь и последовательность последней книги классика обращали внимание ещё его современники (Бухарев, 1860, стр. 11). Я.Р. Коздрин доказывает, что «принцип иерархичности является ключевым в этических, гносеологических, онтологических и эстетических взглядах писателя» (2012, стр. 223). Он замечает: одним из самых частотных определений в произведении становится «высший». Дополним это наблюдение: чтобы показать всеохватность того или иного явления, в «Выбранных местах...» Н.В. Гоголь многократно использует конструкции, в которых упоминаются власть предержащий (в первую очередь) и бедняк (во вторую): «от купца до последнего бобыля» [XXI, 263], «от главы, <...> и до последнего труженика» [XXXI, 346], «от царя до последнего нищего» [XIII, 221] и т.п.

Далее речь пойдёт о том, каков, по мнению писателя, порядок ранжирования.

Физико-генетические факторы стратификации общества

Ряд фрагментов в «Выбранных местах...» свидетельствует о том, что Н.В. Гоголь учитывает «естественные», физико-генетические факторы стратификации общества, в частности, серьёзное внимание уделяет возрастным различиям. «...Седина есть уже святыня» [XI, 218], – заявляет писатель; зрелость

именует «летами разумного мужества» [XIV, 230], а юность «увлекающейся» [Там же]. В соответствии с религиозными постулатами автор книги осмысливает опыт болезни и надвигающейся смерти как позитивный, вразумляющий. Выше упоминалось, что именно на этом основании он считает свои выводы достойными всеобщего внимания: «...человек, лежащий на смертном одре, может иное видеть лучше тех, которые кружатся среди мира» [I, 178].

Н.В. Гоголь уверен, что умявляется несомненным достоинством, возвышающим человека над окружающими, эта мысль звучит во многих письмах(см., например, главы «Женщина в свете» [II, 183], «О том, что такое слово» [IV, 186], «О помощи бедным» [VI, 192], «О лиризме наших поэтов» [X, 208], «Споры» [XI, 218], «О театре...» [XIV, 226], третье письмо «...по поводу “Мёртвых душ”» [XVIII, 249], «Нужно проездиться по России» [XX, 261], «Что такое губернаторша» [XXI, 265, 269, 272], «Русской помещик» [XXII, 276, 277], «Чем может быть жена для мужа...» [XXIV, 290], «Близорукому приятелю» [XXVII, 300, 301]). Писатель выстраивает иерархию: «ум – разум – мудрость». Первый, врождённый, рассматривается как способность принимать информацию. Второй, подкреплённый образованием, помогает подавлять страсти, но далеко не всегда позволяет человеку идти вперёд. Третья даруется свыше, она «есть дело высшей благодати небесной» [XII, 220]: мудростью человек наделяется в результате непрестанной душевной работы, «христианство даёт уже многосторонность уму» [XVI, 231].

Несколько раз в «Выбранных местах...» автор заявляет о том, что женщины превосходят мужчин.

«...Подобной мудрости ещё не встречал я ни в ком из нашей братии мужеска пола» [XXVI, 299];

«...женщина скорей способна очнуться и двинуться» [XXIV, 277];

«клянусь, женщины гораздо лучше нас, мужчин. В них больше великодушия, больше отважности на всё благородное; <...> её небесное поприще быть воздвижницей нас на всё прямое, благородное и честное» [XXI, 272].

Разящим орудием воздействия на сильный пол Н.В. Гоголь называет красоту, здесь он явно продолжает находиться подобаянием романтической эстетики: «Красота женщины ещё тайна. Бог недаром повелел иным из женщин быть красавицами; недаром определено, чтобы всех равно поражала красота, – даже и таких, которые ко всему бесчувственны и ни к чему не способны» [II, 182]. С другой стороны, красавицы уже в ранних произведениях писателя наделялись «смертоносной чертой ударности своего бытия» (Терц, 2009, стр. 18), в подобных умозаключениях дают о себе знать давние фобии автора.

Манифестируя лидерство женщин и их безусловное влияние на мужчин, Н.В. Гоголь на деле отводит прекрасному полу косвенную роль в обществе. Представления об обязанностях хранительницы очага дают о себе знать, например, в главе с примечательным названием «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России».

Здесь указывается, что «жена должна быть помощницей мужа» [XXIV, 293] – обратим внимание на категоричность интонации. Далее писатель сожалеет о стирании гендерных границ (мы используем современную терминологию) и предлагает оригинальный путь решения проблемы: «Нигде я не вижу мужа. Пусть же бессильная женщина ему о том напомнит! Стало так теперь всё чудно, что жена же должна повелеть мужу, дабы он был её глава и повелитель» [XXIV, 294].

Получается, что во взглядах на идеальное устройство семьи автор близок патриархальной традиции.

Сословные компоненты социальной структуры

Мы вынесли в подзаголовок слово «сословный», а не «классовый», потому что для подобной системы стратификации характерна закрытость: права и обязанности групп передаются по наследству, а переход из одной в другую крайне затруднителен. Н.В. Гоголь убеждён: иерархия в обществе определена Богом, а значит менять существующий порядок вещей ни в коем случае нельзя. В главе «Русской помещик» в обращении к землевладельцу¹ автор разъясняет:

«ты уже есть помещик, что ты родился помещиком, что взыщет с тебя Бог, если б ты променял это званье на другое, потому что всяк должен служить Богу на своём месте, а не на чужом, равно как и они также, родясь под властью, должны покоряться той самой власти, под которою родились, потому что нет власти, которая бы не была от Бога» [XXII, 275].

Писатель декларирует: всем необходимо признать принцип социального неравенства, в здешнем мире – в отличие от Божьего – люди априори не равны, они отличаются друг от друга не только по полу, возрасту, физическим параметрам и состоянию здоровья, но по умственным, морально-волевым, психологическим качествам². Стало быть, каждый обязан вносить в дело жизнестроительства вклад в той мере, которая уготована ему свыше. Как справедливо указывает А.И. Иваницкий, такой подход подразумевает самовоплощение Бога в материальном пространстве земного мира через властную иерархию империи и ведёт к последовательной её «спиритуализации» (2021, стр. 216, 218).

По мнению Н.В. Гоголя, Господом дана и конкретная система государственного управления, из чего следует, что она тоже должна оставаться в неизменном виде: «...Сам Бог строил незримо руками государей. Всё полно, достаточно, всё устроено именно так, чтобы споспешествовать в добрых действиях...» [XXVIII, 309]; «Все наши должности в их первообразе прекрасны и прямо созданы для земли нашей» [XXVIII, 306]. Отсюда активная критика

1 Адресат письма не установлен, но это не принципиально; «получатель» послания в книге важен как представитель той или иной группы, а не личность.

2 В данном контексте показательны характеристики «сословие высшее... цвет наро-да» [XXVIII, 313], «грубое и низшее сословие» [XV, 235] и в особенности «бесчувственные дикари, обитающих на концах... империи» [X, 207].

преобразований, которые чиновники пытаются вести на местах: «всякое нововведение – ненужная вставка» [Там же]. Кроме того, писатель порицает поведение отдельных людей, стремящихся (из благих намерений, чаще из гордыни) превысить свои полномочия – «пристегнуться сбоку» [XIV, 227], как он выражается. Необходимо соблюдать чёткие должностные границы и исполнять исключительно свои служебные обязанности.

Как было отмечено выше, автор «Выбранных мест...» признаёт врождённое превосходство одних людей над другими. В то же время, он не сомневается, что мера ответственности элиты в разы превышает ту, что возлагается на низшие слои общества. Поэтому призывает высокопоставленных лиц инициировать наведение порядка в государстве и показывать всем пример: «Старайтесь только, чтобы сверху было всё честно, снизу будет всё честно само собою» [XXI, 267]. В.М. Маркович отмечает: «автор “Выбранных мест...” прямо предлагает властвующим сословиям своеобразное иночество вне монастыря» (2011, стр. 379).

Вершину социальной пирамиды представляет царь, посредник между небом и землёй. А.И. Иваницкий истолковывает гоголевский идеал как «возвышение народом смыслов своей любви к Богу через восходящие ступени административной лестницы» и происходящее в обратном направлении «метастатирование высших (духовных) смыслов власти» (2020, стр. 220, 222). Западное устройство государства в «Выбранных местах...» критикуется. Ограничение самодержавия, по словам автора, не позволяет монарху сосредоточиться на мысли о необходимости быть образом Божиим на земле. Как следствие, высшее значение миссии государя – утверждение взаимной всепобеждающей любви – остаётся недостижимым, усиливаются антагонизм, борьба интересов.

Исследователи достаточно подробно осветили вопрос об истоках этой концепции. Среди наиболее явных: «Государство» Платона, «Монархия» Данте, византийская теория государства, «Слово о законе и благодати» Илариона Киевского, «Поучение чадам» Владимира Мономаха, «Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях» Н.М. Карамзина. На становление верноподданнических взглядов Н.В. Гоголя, вероятно, повлияли близкие ко двору А.О. Смирнова-Россет и В.А. Жуковский. Следует заметить, что монархические настроения в 1840-е годы были достаточно распространены, о чём свидетельствуют, в частности, многочисленные публикации в журналах «Москвитянин», «Маяк». В отличие от авторов подобных статей, Н.В. Гоголь старался соблюсти баланс между обозначением «мирской» и «сакральной» природы царя» (Сартаков, 2014, стр. 97). К.В. Мочульский замечает: «Это – не “реальная политика”, а чистая романтическая утопия, вроде произведения Новалиса “Вера и любовь, или Король и королева”» (2004, стр. 101).

Для доказательства своих умозаключений писатель часто обращается к авторитету знаменитых предшественников: М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина и др. Причём в ряде случаев он достаточно

вольно трактует их произведения. Самый очевидный пример – толкование пушкинского послания «К Н***» («С Гомером долго ты беседовал один...»). Н.В. Гоголь «раскрывает тайну»: адресат Н*** – император, поэт сочинил произведение под впечатлением от увиденного им в Аничковом дворце эпизода. Николай I, зачитавшись «Илиадой», забыл о бале, спустился к танцующим «... уже несколько поздно, принесся на лице своём следы иных впечатлений» [X, 209]. На самом деле в стих о творении описывается поэт Н.И. Гнедич, что понятно по ряду деталей и доказано литературоведами.

Зачем Н.В. Гоголь предлагает в «Выбранных местах...» другое объяснение? В.Э. Вацуро считает, что таким образом писатель творит «консервативную легенду» о Пушкине, сознательно мистифицирует читателя (1985, стр. 22). В.П. Белоногова – что автор «досоздаёт» историю, «догадывается» об истине» (2003, стр. 89). Убедительнее всего, на наш взгляд, версия С.А. Кибальника:

«В действительности Гоголь одновременно творит миф и о своей большей, чем в действительности, близости к Пушкину, и о высокопросвещённости Николая I, и о своей внутренней близости с императором («Илиада» была предметом постоянного чтения и самого Гоголя), и о сходстве задач, стоявших перед ним самим и императором. Ведь он создаёт эпопею нового времени, которая должна, по мысли Гоголя, преобразить русское общество» (2014, стр. 174).

Объяснение С.А. Кибальника подтверждает подлинная история, произошедшая в 1837 году (Виноградов, 2016, стр. 270). В главе «Исторический живописец Иванов» писатель рассказывает, как, находясь в чужом городе и рискуя умереть от голода, был спасён государем: «Мне было приятно в эту минуту быть обязану ему, а не кому-либо другому. К причинам, побудившим взяться с новою силою за труд, присоединилась ещё и мысль, <...> “...меня бы не было, может быть, на свете, если б не государь”» [XXIII, 287]. Н.В. Гоголь рассуждает о благородстве императора, параллельно намекает на свои короткие отношения с Николаем I и на его причастность к сочинению книги, тем самым придавая ей особую весомость.

Как неоднократно отмечали исследователи, автор «Выбранных мест...» разъясняет обязанности представителям самых разных уровней государственной системы. Н.В. Гоголь убеждён, что элита обращает на себя всеобщее внимание и вызывает желание подражать. «Вы первое лицо в городе, с вас будут перенимать всё до последней безделушки, благодаря обезьянству моды и вообще нашему русскому обезьянству. Вы будете законодательницей во всём» [XXI, 263], – пишет он жене губернатора. Советует чиновнику не распыляться по мелочам, оставить после себя «дело прочное» [XXVII, 300]. Помещику велит быть «патриархом, <...> начинателем всего и передовым, во всех делах» [XXII, 277], заботиться о крестьянах, «как о своих кровных и родных» [XXVIII, 314], работать с ними бок о бок, вдохновляя на праведный труд. В главе «Занимающему важное место» автор подробно освещает структуру управления губерниями: губернатор; подвластные ему полицмейстер и городничие, капитан-исправники и земские заседатели, советники и чиновники; министр-

ства, гражданская плата, суды; предводитель дворянства; прокурор; совестной судья. Писатель «выступает как государственный человек, стремящийся к наилучшему устройству страны, единственно правильной иерархии должностей в ней, при которой каждый выполняет свой долг», – отмечает В.А. Воропаев (2014, стр. 12). Вывод Н.В. Гоголя однозначен: «...Все места святы» [XVIII, 246].

Особое место в книге отводится священнослужителям и сочинителям. Первые «одни в силах истолковать человеку святой и глубокий смысл» [VI, 192] происходящих с ним событий. В.М. Маркович отмечает парадоксальное скрещивание полномочий: мирянам, наделённым властью, писатель предлагает «заняться религиозно-нравственным воспитанием подчинённых им людей» (2011, стр. 378), а духовенству углубиться в изучение народной жизни [XXII, 278–280]. Поэты, по мнению Н.В. Гоголя, одни способны открывать высшую – Божественную – сторону во всяком творенье [XXXI, 332]. Их долг – помогать простым смертным постигать истины [XV, 233], поучать людей [I, 177]. «Стыдно тратить лирическую силу в виде холостых выстрелов на воздух, тогда как она дана... на то, чтобы взрывать камни и ворочать утёсы» [XV, 234], – замечает автор. С.В. Бурмистрова заключает, что для Н.В. Гоголя «апостольское и писательское служение... имеют общую сотериологическую цель» (2019, стр. 102).

Как видим, идеальное общество в представлении писателя статично в своей основе, покоится на православной доктрине, земледельческом быте, старозаветных принципах, предполагающих строгую иерархию. В своих построениях автор ориентируется на российскую традицию: «Не умирают те обычаи, которым определено быть вечными» [XXXII, 367].

Русская идея

Одна из ведущих тем гоголевской книги – будущее русского народа. Почти во всех главах «Выбранных мест...», так или иначе, утверждается его особая судьба и уникальная миссия.

Н.В. Гоголь уверен в своеобразии наций, считает, что одни и те же события неодинаково на них действуют: «Тот же самый молот, когда упадет на стекло, раздробляет его вдребезги, а когда упадёт на железо, куёт его» [XXVII, 300]. Черты русского народа, которые называет писатель, многообразны и выгодно отличают его от других. Это:

- «целизна» [XXVIII, 310] при большом «разнообразии характеров» [XXVI, 298];
- гениальная восприимчивость [XXXI, 331];
- богобоязненность [XXV, 299];
- «благодарность за всякое добро» [XXII, 272];
- «задний ум», т.е. «ум окончательных выводов» [XXXI, 339];
- «богатырство» [XVIII, 246], «крепкое начало» [XXXI, 325];
- удаль [XXXI, 358];
- «отвага, никому не сродная» [XXXII, 368].

Наш язык Н.В. Гоголь называет «полнейшим и богатейшим» [VII, 193] из всех европейских, а пословицы – самыми значительными среди «всех других народов» [XXXI, 339].

Знаменательно, что в последней главе даётся прямо противоположный всем этим характеристикам отзыв: «Лучше ли мы других народов? Ближе ли жизнью ко Христу, чем они? Никого мы не лучше, а жизнь ещё неустроенней и беспорядочней всех их. “Хуже мы всех прочих” – вот что мы должны всегда говорить о себе» [XXXII, 368]. Думается, что противоречие легко разрешается с учётом пристрастия автора к покаянному самоукорению и диалектическим построениям, о которых шла речь в начале нашей статьи, а также намечаемой в письме «Светлое Воскресенье» перспективе развития. Нация вновь сравнивается со сплавом, в противовесиным народам, металл растоплен, не получил окончательной формы, а значит есть надежда на достижение большего совершенства «литья».

По мнению Н.В. Гоголя, выгодно отличаются все российские сословия. Так, дворянство, в противоположность знати «других земель», является носителем «не благородства рождения или происхождения и не европейского *point d'honneur*¹, но настоящего, нравственного благородства» [XXI, 267]. «Началось оно не насильственным приходом, в качестве вассалов с войсками, всегдашних оспоривателей верховной власти и вечных угнетателей сословия низшего; началось оно у нас личными выслугами перед царём, народом и всей землёй, – выслугами, основанными на достоинствах нравственных, а не на силе» [XXVIII, 313], – продолжает развивать мысль писатель. А низшее сословие «...не носит у нас названья ни вольных, ни рабов, но называется хрестьянами от имени Самого Христа» [XXVIII, 314]. Простой мужик обладает «верным тактом русского ума, <...>умеет говорить со всеми себя высшими, даже с царём» [XXXI, 357].

В «Выбранных местах...» утверждается, что и творческие люди в России выделяются на фоне иностранных собратьев. «...В лиризме наших поэтов есть что-то такое, чего нет у поэтов других наций, именно – что-то близкое к библейскому, – то высшее состояние лиризма, которое чуждо движений страстных и есть твёрдый взлёт в свете разума, верховное торжество духовной трезвости» [X, 204]. Русские сочинители ближе к Богу и, следовательно, лучше различают Его знаки, понимают Его волю. Оттого их произведения «получают какое-то величественно-царственное выражение» [X, 207], «исполнены библейских отголосков» [X, 213], а ещё – проникнуты верой в «значение высшее монарха» [X, 212].

К первостепенным преимуществам россиян Н.В. Гоголь относит чинопочитание. Начальник на родном языке называется отцом [XXVIII, 311]. «...Нет у нас непримиримой ненависти сословья противу сословья и тех озлобленных партий, какие водятся в Европе и которые поставляют препятствие непреобо-

---

1 вопрос чести (фр.)

римое к соединению людей и братской любви между ними...» [XXXII, 368]. Любовь к царю зиждется на понимании его высшего значения и передаётся на генетическом уровне: «весь народ слышит её каким-то сердечным чутьём» [X, 208]. Писатель видит особый путь отчизны: «В десять лет внутри России столько совершается событий, сколько в другом государстве не совершится в полвека» [XX, 257]. Он уверен, что случившееся в истории России, начиная с татаро-монгольского ига, было predetermined, направлено на то, «чтобы собрать могущество в руки одного» и представить «власть в её полном и совершенном виде» [X, 212]. Что «страхи и ужасы» в отечестве способствовали воспитанию её сынов: «Самая затруднительность обстоятельств, предоставивши новые извороты уму, разбудила дремавшие способности многих...» [XXVI, 298].

Особую роль Н.В. Гоголь отводит религии. Здесь тоже подчёркивается преимущество российского варианта. Наша Церковь, уверяет писатель, сохранила апостольскую чистоту, «...вся с своими глубокими догматами и малейшими обрядами наружными как бы снесена прямо с Неба» [VIII, 201]. Одежда православных священников «прекрасна и величественна» [IX, 203], потому что пошита по образу и подобию одежды Спасителя. Мысли духовных лиц чисты и возвышенны, так как они чужды «ничтожным нуждам света» [Там же]. Автор полагает, что Бог намеренно разделит Церковь. С одной стороны – Западная половина, которая вступает в контакт со светским обществом, меняется, вносит нововведения, в том числе «сделанные даже порочными несвятыми епископами» [XVII, 238]. С другой – Восточная, она находится как бы «вдали от людей» [Там же], отличается традиционализмом. Первую Гоголь сравнивает с гостеприимной и заботливой Марфой, вторую – со скромной Марией, разместившейся «у ног Самого Господа» [Там же]. Не отказывая в относительной полезности первой, пальму первенства писатель безапелляционно отдаёт второй.

Концепция Н.В. Гоголя, на наш взгляд, такова: Бог наложил на россиян миссию спасения, поэтому у них особая связь с Господом. Избранничество позволяет чувствовать большую, чем у других наций, любовь к отечеству и к Божьему помазаннику царю. Посланные народу России особые испытания направлены на то, чтобы каждый понял необходимость единоначалия. Проходя через мытарства, сознавая свою греховность, народ делается праведнее.

Заключение

«Выбранные места...» стали квинтэссенцией духовного опыта Н.В. Гоголя. Произведение создавалось «издалека», взгляд со стороны помог писателю выстроить системную модель Российского государства, идеалистическую модель.

На первом плане фигура самого сочинителя – грешника, мученика, пророка, душеспасителя. Н.В. Гоголь уверен, что пережитый им личный опыт восхождения к Богу необходимо передать людям, это поможет избавить русский народ и человечество в целом от страшной участи. Он мифологизирует свою биографию, демонстрирует пророческие черты и принимает роль мессии.

В контексте эсхатологических настроений «Выбранных мест...» всё сущее обретает новый смысл. Отсюда всеобъемлющая сакрализация составляющих российской действительности: от ландшафта, языка, одежды – до политического устройства.

Высшими началами России, несущими спасение, Н.В. Гоголь провозглашает православие, самодержавие и искусство (литературу, живопись, театр). Ценность власти обосновывается с религиозно-мистической позиции, а ценность культуры – с религиозно-мистической и венценосной. Эталоном автора, по сути, становится теократическое государство. Роль монарха определяется сверхтварной сущностью и сводится к трансцендентальному значению. Народ с восторгом подчиняется государю, потому что желает повиноваться верховной власти Бога.

Автор «Выбранных мест...» ратует за соборность и единоначалие. Жёсткое иерархическое строение общества видится ему единственно верным. Патриархальность, по мнению писателя, является свойством русской природы, потому что эта нация ближе к сверхсущему. Каждый вышестоящий по сословию, чину, должности должен являться «отцом», заботиться о своих подчинённых, принимать пламя любви и передавать его дальше, на следующую ступеньку лестницы.

Важным представляется тот факт, что в последней книге Н.В. Гоголь не просто конструирует образцовый аналог действительности, но верит, что создает этот новый мир. Вероятно, поэтому он с такой целеустремлённостью трудился над произведением и так мечтал донести свои идеи до современников.

Список литературы

- Алексеева, У. С. (1999). Художественное своеобразие цикла «Выбранные места из переписки с друзьями» в контексте поэтики «позднего» Гоголя.
- Барабаш, Ю. Я. (1993). Гоголь. Загадка «Прощальной» повести «Выбранные места из переписки с друзьями». Опыт непредвзятого прочтения. Художественная литература.
- Белоногова, В. П. (2003). Выбранные места из мифов о Пушкине. ДЕКОМ.
- Белый, А. (1934). Мастерство Гоголя: Исследование. Государственное издательство художественной литературы.
- Бурмистрова, С. В. (2019). Функции апостольского текста в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя. *Stephanos*, 3(35), 99–107. doi: 10.24249/2309-9917-2019-35-3-99-107
- Бухарев, А. М. (1860). Три письма к Н.В. Гоголю, писанные в 1848 году. Типография Морского министерства.
- Вацуру, В. Э. (1985). Пушкин в сознании современников. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. I (В. Э. Вацуру, Ред.). Художественная литература.
- Вересаев, В. В. (1990). Гоголь в жизни. Московский рабочий.
- Вильнова, С. В. (2008). Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя в литературно-общественном контексте 1840-х годов: Историко-функциональный аспект.
- Виноградов, И. А. (2000). Гоголь – художник и мыслитель: Основы христианского миро-созерцания. Наследие.
- Виноградов, И. А. (2016). Отеческое попечение: Император Николай I в судьбе Гоголя. *StudiaLitterarum*, 1–2, 269–277. doi: 10.22455/2500-4247-2016-1-1-2-269-277
- Виротайнен, М. (2003). Ранний Гоголь: Катастрофизм сознания. Гоголь как явление мировой литературы (Ю. В. Манн, Ред.; сс. 9–14). ИМЛИ РАН.
- Воропаев, В. А. (2014). Монастырь ваш – Россия! Гоголь Н.В. Духовная проза. Завещание (В. А. В. И. А. Виноградов, Ред.). ОЛМА МЕДИА ГРУПП.
- Воропаев, В. А. (2018). Лествица преподобного Иоанна Синайского в жизни и творчестве Н. В. Гоголя. *Русская речь*, 6, 101–108. doi: 10.31857/S013161170003014-4
- Вяземский, П. А. (1982). Сочинения: В 2: Т. II. Художественная литература.
- Гиппиус, В. В. (2019). Гоголь. Издательство Юрайт.
- Гоголь, Н. В. (1952). Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 13. Письма, 1846–1847 (Н. Ф. Бельчиков, Б. В. Томашевский, & А. Н. Михайлова, Ред.). Издательство АН СССР.
- Гоголь, Н. В. (1986). Выбранные места из переписки с друзьями. В: Гоголь Н. В. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6. Статьи (Ю. В. Манн, Ред.). Художественная литература.
- Дунаев, М. М. (2003). в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII–XX веках. Совет Русской Православной Церкви.
- Ермаков, И. Д. (1923). Очерки по анализу творчества Н.В. Гоголя: (Органичность произведений Гоголя. Государственное издательство.
- Ермилов, В. В. (1959). Гений Гоголя. Советская Россия.
- Золотусский, И. П. (1988). По следам Гоголя: Очерк. Детская литература.

- Иваницкий, А. И. (2021). Полковник Кошкарёв и «гатчинский помещик»: Раздвоение фигуры Павла I у позднего Гоголя. Культура в фокусе научных парадигм (Т. 12–13, сс. 213–220).
- Кибальник, С. А. (2014). О гоголевском истолковании стихотворения Пушкина «С Гомером долго ты беседовал один...». С. А. Пушкин: Лики и «отраженья». Статьи, очерки и заметки. Издательский дом «Петрополис».
- Коздринь, Я. Р. (2012). Символ лестницы в книге Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Межрегиональные Пименовские чтения, 9(9), 222–230.
- Кулакова, Т. А. (2010). Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя: Идея служения и поэтика её воплощения. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика, 10(1), 43–47.
- Кулиш, П. Л. (1856). Записки о жизни Н.В. Гоголя: В 2: Т. 2. типография Ю. Штауфа.
- Лотман, Ю. М. (1988). Художественное пространство в прозе Гоголя. Лотман Ю.М. В В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь (сс. 251–293). Просвещение.
- Любич-Романович И. В. (1902). Воспоминания. Исторический вестник: историко-литературный журнал, 7, 3.
- Маркович, В. М. (2011). О некоторых парадоксах книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Феномен Гоголя: Материалы Юбилейной международной научной конференции (М. Н. Вироланен & А. А. Карпова, Ред.). Петрополис.
- Мережковский, Д. С. (1991). Гоголь и чёрт (исследование). В: Мережковский Д. С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. Советский писатель.
- Мочульский, К. В. (2004). Духовный путь Гоголя. Наш дом.
- Пороль, О. А., & Просвиркина, И. И. (2020). Библейское слово в книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Гоголь и русская духовная культура. Девятнадцатые Гоголевские чтения: сб. науч. статей по материалам Международной научной конференции.
- Сартаков, Е. В. (2014). Выбранные места из переписки с друзьями Н. В. Гоголя и русская консервативная журналистика первой половины 1840-х гг.: Теория государственности. Русская литература и журналистика в движении времени (Т. 1, сс. 192–211).
- Сарычев, В. А. (2020). Русская Россия». Концепция «истинно-русского царства» в книге Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Сарычев В. А. Мета-физика русской литературы. Избранные труды. ЛГПИУ.
- Сильницкий, Г. Г. (2010). Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя и их роль в истории русского общественного самосознания. Известия Смоленского государственного университета, 3(11), 44–56.
- Тарасенков, А. Т. (1902). Последние дни жизни Н.В. Гоголя. Товарищество скоропечати А.А. Левенсон.
- Терц, А. (2009). В тени Гоголя. ImWerdenVerlag.
- Харабет, К. В. (2019). Н.В. Гоголь «Выбранные места из переписки с друзьями» (опыт криминологического исследования). Российская юстиция, 6, 40–45.
- Чаадаев, П. Я. (1991). Полное собрание сочинений и избранные письма: Т. II. Наука.
- Шенрок, В. И. (1898). Материалы для биографии Гоголя: Т. IV. Типография А. И. Мамонтова и К.
- Шульц, С. А. (1994). Гоголь. Личность и художественный мир. Интерпракс.

References

- Alekseeva, W. S. (1999). Artistic originality of the cycle «Selected Passages from Correspondence with Friends» in the context of the «late» Gogol's poetics. (In Russian).
- Barabash, Y. Y. (1993). Gogol. The riddle of the «Farewell» story Selected Passages from Correspondence with Friends. An unbiased reading experience. Imaginative literature. (In Russian).
- Belonogova, V. P. (2003). Selected Passages from the myths about Pushkin. DEKOM. (In Russian).
- Bely, A. (1934). Gogol's Artistry. State publishing house of imaginative literature. (In Russian).
- Bukharev, A. M. (1860). Three letters to N.V. Gogol, painted in 1848. Printing house of the Naval Ministry. (In Russian).
- Burmistrova, S. V. (2019). The Functions of the Apostolic Text in «Selected Passages from Correspondence with Friends» by N.V. Gogol. Stephanos (V. 3, Issue 35, p. 99–107). doi: 10.24249/2309-9917-2019-35-3-99-107 (In Russian).
- Chaadaev, P. Y. (1991). Complete Works and Selected Letters: V. II. Nauka. (In Russian).
- Dunaev, M. M. (2003). Faith in the Crucible of Doubts: Orthodoxy and Russian Literature of the 17th – 20th Centuries. Publishing Council of the Russian Orthodox Church. (In Russian).
- Ermakov, I. D. (1923). Essays on the analysis of N. V. Gogol's creation: Organicity of Gogol's works. State Publishing House. (In Russian).
- Ermilov, V. V. (1959). The genius of Gogol. Soviet Russia. (In Russian).
- Gippius, V. V. (2019). Gogol. Yurayt Publishing House. (In Russian).
- Gogol, N. V. (1952). Complete Works: In 14 vols. B N. F. Belchikov, B. V. Tomashevsky, & A. N. Mikhailova (Ред.), The Academy of Sciences of the USSR (V. 13). Publishing House. (In Russian).
- Gogol, N. V. (1986). Selected Passages from Correspondence with Friends. In: Gogol N.V. Collected Works: In 7 vols (A. V. Mann, Ed.; V. 6, p. 173–369). Imaginative literature. (In Russian).
- Harabeth, K. W. (2019). N.V. Gogol «Selected Passages from Correspondence with Friends» (the experience of criminological research. Russian Justice, 6, 40–45. (In Russian).
- Ivanitsky, A. I. (2021). Colonel Koshkarev and the «Gatchina landowner»: The bifurcation of the figure of Paul I in the late Gogol. Culture in the Focus of Scientific Paradigms, 12–13, 213–220. (In Russian).
- Kibalnik, S. A. (2014). About Gogol's interpretation of Pushkin's poem «S Gomeromdolgo ty besedoval-odin...». «For a long time you talked alone with Homer ...» B K. S. A. Pushkin (Ed.), Faces and «Reflections. Articles, essays and notes (p. 166–189). Publishing House «Petropolis». (In Russian).
- Kozdrin, J. R. (2012). Symbol of the ladder in the book of N. V. Gogol «Selected Passages from Correspondence with Friends». Interregional Pimenov Readings (V. 9, Issue 9, p. 222–230). (In Russian).
- Kulakova, T. A. (2010). Selected Passages from Correspondence with Friends by N.V. Gogol: The idea of service and the poetics of its implementation. Series: Philology. Journalism, 10(1), 43–47. (In Russian).
- Kulish, P. L. (1856). Notes on the life of N. V. Gogol: In 2 vols (V. 2). Y. (In Russian).
- Lotman, Y. M. (1988). Artistic space in Gogol's prose. In: Lotman Yu. M. In the school of the poetic word: Pushkin. Lermontov. Gogol (p. 251–293). Education. (In Russian).
- Lyubich–Romanovich I. V. (1902). Historical Bulletin. Historical and Literary Journal, 7, 3. (In Russian).

- Markovich, V. M. (2011). About some paradoxes of Gogol's book «Selected Passages from Correspondence with Friends». В М. N. Virolanen & A. A. Karpova (Ed.), *The Gogol Phenomenon: Proceedings of the Anniversary International Scientific Conference* (p. 373–387). Petropolis. (In Russian).
- Merezhkovsky, D. S. (1991). And the devil (Research). In: Merezhkovsky D.S. *In the Still Water: Articles and Researches of Different Years* (p. 213–309). Soviet Writer. (In Russian).
- Mochulsky, K. V. (2004). *The Spiritual path of Gogol. Our home* (In Russian).
- Porol, I. I. (2020). Biblical word in Gogol's book «Selected Passages from Correspondence with Friends». *Gogol and Russian spiritual culture* (p. 178–184). *Nineteenth Gogol Readings: Sat. scientific articles based on the materials of the International scientific conference.* (In Russian).
- Sartakov, E. V. (2014). «Selected Passages from Correspondence with Friends» by N.V. Gogol and Russian conservative journalism in the first half of the 1840s: The theory of statehood. *Russian Literature and Journalism in the Movement of Time*, 1, 192–211. (In Russian).
- Sarychev, V. A. (2020). Russian. The concept of the “true Russian kingdom in the book by N.V. Gogol «Selected Passages from Correspondence with Friends». В Sarychev V. A. *Metaphysics of Russian Literature. Selected works* (p. 31–85). Lipetsk State Pedagogical University. (In Russian).
- Schultz, S. A. (1994). *Gogol. Personality and the artistic world. Interpraks.* (In Russian).
- Shenrock, W. I. (1898). *For the biography of Gogol: V. IV.* Printing house A.I. Mamontov & Co. (In Russian).
- Silnitsky, G. G. (2010). «Selected Passages from Correspondence with Friends» by N.V. Gogol and their role in the history of Russian public consciousness. *News of the Smolensk State University*, 3(11), 44–56. (In Russian).
- Tarasenkov, A. T. (1902). *The last days of N.V. Gogol.* Fast Press Association A.A. Levenson. (In Russian).
- Tertz, A. (2009). *In the shadow of Gogol.* Im Werden Verlag. (In Russian).
- Vatsuro, V. E. (1985). Pushkin among his contemporaries. A. S. Pushkin in the memoirs of contemporaries: In 2 vols: V. I (V. E. Vatsuro, Ed.; p. 5–42). *Imaginative literature.* (In Russian).
- Veresaev, V. V. (1990). *Gogol in life.* Moskovskij rabochij. (In Russian).
- Vilnova, S. V. (2008). «Selected Passages from Correspondence with Friends» by N.V. Gogol in the Literary and Social Development of the 1840s: Historical and Functional Aspect. (In Russian).
- Vinogradov, I. A. (2000). *Gogol as an Artist and Thinker: Christian Foundations of the Worldview. Nasledie* (In Russian).
- Vinogradov, I. A. (2016). Care: Emperor Nicolas I in Gogol's Fate. *Studia Litterarum*, 1–2, 269–277. doi: 10.22455/2500-4247-2016-1-1-2-269-277 (In Russian).
- Virolainen, M. (2003). Early Gogol: Catastrophism of consciousness. Gogol as a phenomenon of world literature. Collection of articles based on the materials of the international conference (Y. V. Mann, Ed.; p. 9–14). Gorky Institute of World Literature. (In Russian).
- Voropaev, V. A. (2014). Your monastery is Russia! (G. N. V. S. Will. V. A. Voropaev & I. A. Vinogradov, Ed.; p. 7–41). OLMA MEDIA GROUP. (In Russian).
- Voropaev, V. A. (2018). Ladder of St. John of Sinai in the life and work of N.V. Gogol. *Russian speech*, 6, 101–108. doi: 10.31857/S013161170003014-4 (In Russian).

Vyazemsky, P. A. (1982). Works: In (V. 2). Imaginative literature. (In Russian).

Zolotusky, I. P. (1988). In the footsteps of Gogol: Essay. Children's Literature. (In Russian).